

Анатолий
Божич

БОЛЬШЕВИЗМ

Шахматная партия
с Историей

Анатолий Божич

**Большевизм. Шахматная
партия с Историей**

«Алисторус»

2009

УДК 141.33
ББК 86.42

Божич А. С.

Большевизм. Шахматная партия с Историей / А. С. Божич —
«Алисторус», 2009

ISBN 978-5-9265-0715-4

Большевизм для одних – Вселенское Добро, для других – Вселенское
Зло. Посмотреть на большевизм как на уникальное историческое явление –
такую цель поставил перед собой автор. Почему большевизм возник и почему
он в агонии скончался – об этом рассказывается в книге.

УДК 141.33

ББК 86.42

ISBN 978-5-9265-0715-4

© Божич А. С., 2009

© Алисторус, 2009

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	10
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анатолий Божич
Большевизм
Шахматная партия с Историей

© Божич А.С., 2009

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

* * *

Предисловие

«Большевизм» традиционно принято рассматривать как радикальное марксистское политическое течение, а не как исторический феномен, порожденный своеобразием исторического развития России и незаурядностью личности, выступившей в роли организатора и лидера большевизма. Единственное исключение из общего правила – книга Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Однако эту книгу вряд ли можно назвать беспристрастной, многие выводы этой книги далеко не бесспорны.

Кроме того, сам исторический процесс по-прежнему понимается большинством историков как линейное развитие. Как правило, он подается в контексте парадигмы общественного прогресса, предполагающей качественное совершенствование в течение определенного исторического времени социальных и государственных институтов. Это видение прогресса характерно и для социалистических, и для либеральных теорий, возникших на базе философских учений XIX века, которые синтезировали в себе всю философию христианской эпохи. Поэтому и социалистические, и либеральные теории несут в себе некое теократическое начало, поклонение неким абсолютным ценностям, будь то политическая свобода или социальная справедливость. В то же время понимание качественного совершенствования у социалистов и либералов диаметрально противоположно, как и конечная цель этого совершенствования. Собственно, это и порождает полемику при оценке тех или иных исторических событий. При этом сам процесс развития и качественного совершенствования для них бесспорен. Так в XIX веке появились модели гарантированной (или запрограммированной) истории, от которых трудно отказаться и человеку XXI века. Еще труднее современному человеку отказаться от идеи существования смысла в истории. Гегелевский постулат о том, что этот мир разумен, а следовательно, может быть адекватно познан разумным человеком, до сих пор господствует в умах. А потому является общепринятым, что жизнь общества обязательно должна нести в себе высокий смысл.

Все это вместе взятое создает иллюзорный образ мировой истории, весьма далекий от реальности, сотканной из хитросплетений социологических и экономических закономерностей, замкнутых на экономические интересы конкретных социальных групп, а также проявлений конкретной воли конкретных людей и массы исторических случайностей. Казалось бы, вся история XX века, все ее катаклизмы и резкие повороты должны были доказать, что понятия общественного прогресса, разумности и логической обоснованности общественной жизни – суть иллюзии. Но нет. Это заблуждение до сих пор живет и побеждает в философских теориях, в политических формулах, в журнально-газетной риторике.

Человека XX века приучили требовать жестких определений, логических формул, приучили искать смысл там, где его нет и быть не может.

Поэтому так трудно сегодня отстоять мысль, что «большевизм» не подходит ни под какие жесткие определения, что это было уникальное явление синтеза революционной мысли и революционной практики, опосредованное личностью В.И. Ленина, а потому все время меняющееся, вернее, адаптирующееся к изменяющейся реальности России начала XX века. Попытки создать большевизм, альтернативный ленинскому, провалились, и причины этого проанализированы в данной книге. Попытки превратить большевизм в явление мирового порядка также были обречены, хотя и породили феномен международного коммунистического движения, и, как следствие внутривнутрипартийной борьбы внутри РКП(б), – троцкизм, явление в своей основе также уникальное, но генетически с большевизмом отнюдь не связанное. Тем не менее большевизм оказал громадное влияние на российскую и мировую историю, и все грани и аспекты этого влияния до сих пор объективно (т. е. с научных позиций) не изучены.

Политизированность проблемы осмысления и изучения большевизма также создала ряд дополнительных трудностей, разделив историков на лагеря, школы и направления, придав их спорам о роли большевизма в истории схоластический характер. Историография проблематики просто необъятна, она насчитывает тысячи авторов и названий. Одни рассматривали большевизм как вселенское Добро, абсолютизовавшее идею социальной справедливости и попытавшееся воплотить эту идею на практике, другие – как вселенское Зло, культивировавшее социальную ненависть и социальную (классовую) конфронтацию. Споры подобных ученых, даже опирающиеся на обильный фактический материал (соответствующим образом подобранный), более похожи на споры средневековых схоластов, дискутировавших о том, что раньше появилось – яйцо или курица.

Большевизм, рассматриваемый именно как синтез революционной теории и практики, не есть что-то единое и цельное, русский вариант радикально прочитанного Маркса и Энгельса. Теория в большевизме изначально занимала подчиненную роль по отношению к практике. Среди первых большевиков было немало неокантианцев, весьма критически воспринимавших философские аспекты марксизма. Еще меньшее отношение имеет к марксизму «государственный большевизм», т. е. большевизм периода гражданской войны и становления идеократического государства. Марксизм в СССР представлял собой набор сакральных текстов, через призму которых рассматривались все стоящие перед правящей партией проблемы, но решались эти проблемы каждый раз исходя из видения данной ситуации руководством партии. Официальная риторика и способ решения проблемы часто не совпадали.

Будучи положен в основу т. н. «научного коммунизма», весьма формализованный в СССР марксизм вообще утратил свойства не только философии, но и идеологии. На свет появилась квазирелигия, парадоксальным образом апеллирующая к материализму. Это сделало официальную коммунистическую «идеологию» в СССР максимально уязвимой. С прагматизмом (или, если угодно, гибкостью) ленинского большевизма было покончено еще до физической смерти вождя, и это было начало конца грандиозного революционного эксперимента. Поэтому ставить знак тождества между большевизмом и марксизмом – значит не понимать сути большевизма как исторического явления.

Есть еще один аспект этой большой проблемы: большевизм ассоциируется сегодня не только с 1917 годом, но и с гражданской войной, сталинской коллективизацией, сталинской индустриализацией, сталинскими репрессиями, т. е. с многочисленными жертвами, с той большой кровью, которую русский народ расплатился за социальные эксперименты. Это, разумеется, историческая aberrация, порожденная «Кратким курсом ВКП(б)» и его последующими модернизациями. Но aberrация эта устраивает, как это ни удивительно, и современных «белых», и современных «красных». Поэтому в представлениях о большевизме много субъективного, ибо борьба между «красными» и «белыми», а еще больше – сталинские репрессии, затронули личные судьбы и породили семейные трагедии миллионов людей. Далеко не все могут подняться над субъективным в самих себе и быть беспристрастными в оценке не столь далеких от нас исторических событий. Хотя бывает и экзальтированная, наигранная пристрастность – со стороны людей, которые все прекрасно понимают, но играют в «принципиальность».

Объяснять все политические катаклизмы начала XX века происками злых людей, как бы их ни называли: «жидомасонами», революционерами, радикалами или немецкими шпионами, – могут лишь люди с очень низким уровнем осознания реальности. Объяснять эти же катаклизмы действием «объективных сил исторического процесса» (или исключительно классовый борьбой) – значит сводить всю сложность игры объективного и субъективного в истории к обыкновенной метафизике. И тот и другой подходы лишь затемняют понимание смысла истории, если исходить из того, что этот смысл действительно существует. Но в истории очень

часто одно уникальное явление порождает другое, а затем бесследно исчезает, дав толчок тому или иному направлению или повороту истории. Именно так произошло и с большевизмом.

В данной книге автор попытался доказать, что большевизм (рассматриваемый именно как исторический феномен, а не как политическое течение) скончался примерно в 1924–1925 годах, породив в своей агонии явление совершенно иного порядка – «державный коммунизм». Точно так же, как большевизм опосредован личностью Ленина, «державный коммунизм» опосредован личностью Сталина, и от этого невозможно уйти при оценке феноменальности и первого, и второго явления. То, что Сталин вышел из среды «старых большевиков», как и то, что он превратил Ленина в своеобразный «тотем» своей квазирелигии – не должно смущать вдумчивого исследователя. Сходство формы далеко не всегда гарантирует сходство содержания. Берем на себя смелость утверждать, что содержание этих двух феноменальных явлений было разным. Не надо обманываться внешним сходством, надо заглянуть вглубь. И тогда станет понятным, что и идеология, и государственная политика, и даже террор периода «сталинизма» имели другую направленность, весьма отличную от направленности периода ленинского. Для кого-то эти нюансы не имеют значения, ибо множество людей не приемлет коммунизм в принципе. Но история ведь пишется для всего народа, а не для отдельных его групп.

Что касается «красного террора» периода гражданской войны, то закономерно встает вопрос и о «белом терроре», который был ничем не лучше. Увы, гражданских войн без террора и без взаимной жестокости в реальности не бывает – ибо это всегда борьба за выживание между полярными социально-политическими силами. И сводить проблему большевизма лишь к проблеме «красного террора» – не просто упрощение, а своеобразный исторический нигилизм. Более того, эта тема имеет много темных и еще не до конца раскрытых страниц. Пример тому – убийство в июле 1918 года (всего через 10 дней после убийства в Москве германского посла графа Мирбаха) всей царской семьи. Очень странно в этой истории выглядит то обстоятельство, что за несколько дней до убийства царя и его семьи слухи о его смерти распространились в Копенгагене. Эти слухи вынудили редакцию копенгагенской газеты «National Tidende» направить 16 июля (за день до расстрела царской семьи!) телеграмму в Москву следующего содержания: «Ленину, члену правительства, Москва. Здесь ходят слухи, что бывший царь убит. Пожалуйста, сообщите фактическое положение дел...»¹ Каким образом о смерти царя в Копенгагене узнали еще до его фактической гибели, и где, в таком случае, было принято решение о его физическом уничтожении? Ведь не секрет, что бывший царь, являвший собой олицетворение Российской империи, уже самим фактом своего существования мешал Антанте в ее планах по расчленению России. Кроме того, убийство царя вскоре после убийства германского посла выглядит особо подозрительно и напоминает попытку любыми средствами спровоцировать вооруженный конфликт между кайзеровской Германией и большевиками. Это опять-таки было выгодно не только левым эсерам, но и финансовой элите Антанты, и еще более – правительству Соединенных Штатов Америки, ибо на тот момент Германия была единственным серьезным соперником США на пути к мировой гегемонии. Несомненно, данный вопрос нуждается в отдельном исследовании. И это далеко не единственное «темное пятно».

Повторю еще раз – беда в том, что гражданская война и репрессии сталинского периода прошли катком по России, оставив после себя многочисленные жертвы и боль в коллективной памяти русского народа. Отсюда – пристрастность суждений и оценок. В этой ситуации любая попытка объективного анализа всего того, что произошло в России в начале XX века, наталкивается на политически ангажированный субъективизм, на откровенные идеологические спекуляции – как со стороны преемников «красных», так и со стороны преемников «белой идеи» во всем своем многообразии. Именно в этом сложность постановки проблемы.

¹ Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 243.

Без гнева и пристрастия, вне рамок идеологических и политических клише, опираясь на всесторонний и глубокий анализ этого явления в своем развитии – только так, на наш взгляд, можно объективно исследовать большевизм. И именно так мы попытались исследовать большевизм в данной книге.

Глава 1

Российское общество на рубеже XIX и XX веков

Реформа 1861 года, освободившая крестьян от крепостной зависимости и положившая начало полувековой агонии патриархальной России, без сомнения, была первой значительной вехой на пути модернизации России. Этот путь, выбранный русским либеральным чиновничеством и получивший одобрение императора Александра Второго, оказался для самодержавной монархии не менее губительным, чем гипотетическая крестьянская революция, которой пугали друг друга и царя представители т. н. «просвещенной бюрократии» в конце 50-х годов XIX века. Однако абсолютное большинство исследователей этой проблемы сходится во мнении, что альтернатив процессу модернизации России не было и не могло быть, так как он был обусловлен объективно и реально растущим отставанием ее от западноевропейских стран по целому ряду экономических параметров, главным из которых было отсутствие современной металлургии и машиностроения. Задачи индустриальной модернизации, в свою очередь, диктовались политическими притязаниями России (российского самодержавия) на роль одной из ведущих европейских держав.

Начавшееся в 1860-х годах внедрение капиталистических элементов в экономику России не могло не повести к изменению структуры российского общества. Общество, в котором деньги начинают играть роль основного показателя жизненного успеха, не может долго сохранять стабильную структуру. Тем более в этой ситуации нельзя гарантировать сохранение сословной структуры, а если эта структура навязывается как составная часть государственности, то это начинает раздражать. Внешне сословное российское общество начинает на глазах дробиться на множество социальных групп, главным отличительным признаком которых было наличие тех или иных денежных сумм, а также способ их добывания. В дальнейшем из части этих групп начнется формирование своеобразной «русской буржуазии». Но в так называемой общественной жизни сословное деление, сословные привилегии, сословная мораль, сословный быт – сохранялись. Фальшь такого общественного устройства не могла не вести к парадоксам, вызывавшим недовольство во всех слоях российского общества.

Прежде всего, насквозь фальшивым оказалось положение дворянства, первого привилегированного сословия. Дворянство разорялось, вырождалось, теряло свой былой блеск и возможности. По данным авторов сборника «Кризис самодержавия в России», с 1878 по 1905 год общая площадь дворянского землевладения уменьшилась на 20 млн. десятин, за этот же период в общей массе помещного дворянства возрос (с 50,2 до 58,9) процент мелкопоместных дворян и сократился (с 29,8 до 25,3) – среднепоместного дворянства. «Обедневшие и разорившиеся помещики превращались в простых хлебопашцев, попадали в разряд среднего и мелкого чиновничества, опускаясь иногда до положения дворян-пролетариев»². В частности, князь В.А. Оболенский в своих воспоминаниях сообщает о дворянине, служившем кучером у разбогатевшего крестьянина-кулака³. Впечатляющую картину дворянского оскудения рисует в своих мемуарах известный народнический публицист С.Я. Елпатьевский. В то же время он отмечает (говоря о 1870-х годах), что уход дворян от земли чаще всего был сознательным выбором: «Пусто было в дворянских усадьбах. В огромных, когда-то шумных домах с колоннами доживали старики, сыновья которых где-то командовали в войсках, где-то служили губернаторами, исправниками, департаментскими чиновниками, инженерами и приезжали изредка, раз в два-три года, в имение вместо подмосковной или петербургской дачи... Не часто встречался

² Кризис самодержавия в России. Л., 1984. С. 15.

³ Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 201.

помещик, сидевший на земле и сам ведший хозяйство. Большинство не занималось землей как источником существования. Дворяне-помещики жили где-то далеко от своей земли, на казенном жалованье, на легких хлебах, в банках, на железных дорогах, на службе у капитала, во всяких предприятиях, где в те времена дворянское имя, в особенности громкое, ценилось выше диплома и знания, а земля, имение были дачей, где все-таки нужно было вести нудные разговоры с управляющим...»⁴. С.Я. Елпатьевский признавал, что в России были и другие дворяне, владевшие тысячами десятин. «Те в большинстве случаев были на верхах государственной жизни, при дворе, у кормила власти и имели совсем особые источники дохода»⁵. Речь идет о латифундистах, тесно связанных с финансовым капиталом, являвшихся акционерами крупных компаний и членами правлений банков. При этом и графы Орловы-Давыдовы, владевшие 67 тысячами десятин, и графы Шереметевы, владевшие 75 тысячами десятин, и князя Юсуповы, за которыми числилось 38 тысяч десятин земли, по-прежнему продолжали рассматривать Россию как свое большое имение, а императора – как первого дворянина. К 1905 году в России насчитывалось 6882 владения от 1000 до 5000 десятин и 1131 владение свыше 5000 десятин⁶. Но эти 8000 латифундистов по-прежнему нуждались в протекционизме самодержавной власти и в большинстве случаев придерживались монархических убеждений.

Мелкопоместное и среднепоместное дворянство, столкнувшись с конкуренцией «кулаков» и разгулом земельных спекулянтов, все более и более уходит в земскую оппозицию. Как это ни парадоксально звучит, но дворянский (земский) либерализм в известной мере был реакцией на издержки русского капитализма. Именно из помещицкой среды еще в 1890-х годах прозвучали требования увеличить налоги для крупной буржуазии и сократить непроизводительные государственные расходы. Вызывало у помещиков беспокойство и то обстоятельство, что крупное землевладение постепенно утрачивало дворянский характер. К 1905 году около одной трети крупных земельных собственников были выходцами из купцов и крестьян, что свидетельствовало о быстром развитии капитализма в аграрном секторе экономики.

Нельзя сказать, что эту проблему недооценивала царская администрация. Борьба за сохранение главенствующей роли дворянства во всех сферах жизни велась долгая и упорная. Она началась сразу же после убийства Александра Второго и не прекращалась до 1905 года. Главенствующая роль дворянства должна была быть обеспечена сохранением в его руках пахотной земли. «Дворянство без земли утратит все свое значение – не стоит сохранять форму без содержания», – заявляет некий дворянин Павлов и тут же предлагает проект «экономического объединения» дворянства и крестьянства под эгидой первого. В середине 1890-х годов возникает проект внедрения крупного дворянского землевладения в Сибири за счет тех земель, которые могли быть отведены для крестьян-переселенцев. Особое совещание, образованное для выяснения нужд дворянства, заявило, что под дворянскую «колонизацию» Сибири должен быть отведен земельный фонд в один миллион десятин, причем речь шла о крупных участках, размером не менее трех тысяч десятин каждый, предоставляемых на льготных условиях. Осуществлению этого проекта помешали русско-японская война и первая русская революция.

В эпоху Александра Третьего правительство, по выражению профессора М. Балабанова, широко открыло казенный сундук, «чтобы заполнить отощавшие дворянские карманы»⁷. Для того чтобы избавить дворянство от необходимости продавать землю, был создан Государственный дворянский банк (1885 г.), в котором дворяне на льготных условиях могли закладывать свои земли и получать под них деньги. За 30 лет (1886–1915), по данным того же профессора, в дворянском банке побывало в залоге свыше 25 млн. дес. земли. Под залог этих земель было

⁴ Елпатьевский С.Я. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 29.

⁵ Там же, с. 32.

⁶ Кризис самодержавия в России. Л., 1984. С. 16.

⁷ Балабанов М. Царская Россия XX века. М., 1927. С. 15.

выдано в ссуду 1318 млн. рублей. На 1 января 1916 года оставались заложенными в банке свыше 11 млн. десятин дворянской земли, под которую дворянам был выдан 751 млн. рублей в виде ссуд, причем за заемщиками оставалось неоплаченных долгов 724 млн. рублей. Дворяне имели право не только закладывать свои земли под приличные суммы, но и продавать их на столь же льготных условиях через Крестьянский банк. До 1 января 1916 года Крестьянский банк купил у частных владельцев, большинство из которых составляли дворяне, 4,5 миллиона десятин земли на 459 миллионов рублей. Можно констатировать, что самодержавное государство не бросило дворян на произвол судьбы, за 30 лет через руки дворян прошло не менее 1,5 млрд. рублей. Куда ушли эти деньги? На псовую охоту, на картежную игру, на обеды и ужины в «Эрмитаже» и «Медведе»⁸, на дорогих лошадей и красивых женщин, и пр., и пр., и пр.

Лишь немногие из дворян вкладывали деньги в инвентарь, в сельскохозяйственные машины, в развитие производства. Но использование машин оказывалось менее выгодным, чем использование баснословно дешевого крестьянского труда, а проценты на банковские кредиты съедали оборотный капитал. С.Я. Елпатьевский вспоминал, как на рубеже веков в рубке первого класса роскошного волжского парохода «огромный, плотный, со щетиной седоватых волос губернский предводитель дворянства одной из волжских губерний доказывал присутствовавшему, что реформы (вернее – контрреформы. – А.Б.) Александра Третьего пришли слишком поздно, когда уже значительная часть земли уплыла из дворянских рук, а остальная заложена и перезаложена в банках»⁹. Елпатьевскому запомнилась его фраза: «Мы теперь, в сущности, являемся не владельцами, а банковскими управляющими наших имений. На банки работаем. В нашей губернии совсем мало осталось дворян на местах, приходится назначать в земские начальники армейских офицеров, каких-то телеграфистов...»¹⁰

В то же время привилегированное положение дворянства продолжало во многом определять жизненный уклад России. Н.А. Бердяев констатировал позже: «В жизни – если не экономически, то морально – господствовал «барин», следы феодализма оставались до революции 1917 года»¹¹. Что означало это моральное господство? Прежде всего – господство в обществе сословной этики, сохранение за дворянской культурой значения эталона нравственных и поведенческих норм. Российская культура Серебряного века могла оставаться на высоте положения, лишь ориентируясь на нормы и ценности культуры XIX века, т. е. дворянской культуры. Культура не покупается за деньги. Она есть одновременно условие и следствие существования в обществе аристократического меньшинства. Культуру как систему норм поведения могут создать лишь праздные и хорошо образованные люди. Их праздность и их образование в обществе традиционного типа, как правило, обеспечиваются чужим трудом. В России в первую очередь это был труд миллионов крестьян. Культура в России более чем где-либо была атрибутом избранности. Отсюда – подколотная затаенная ненависть масс российского крестьянства и мещанства к культуре и всем тем, кто нес на себе хоть ее малейший отпечаток – ко всем «образованным», «антилихентам», «скубентам» и т. д. Это было подсознательное признание своего убожества и убожества своей жизни. Слово «интеллигент» в устах многих и многих было синонимом слова «барин». Именно здесь разгадка дикого варварства, проявленного русским крестьянством в 1905 и 1917 годах – разорение дворянских усадеб, поджоги библиотек, уничтожение картинных галерей.

Не меньшее раздражение вызывало дворянство у российского купечества. И если до первой русской революции это раздражение пряталось в карман, то после октября 1905 года – уже откровенно афишировалось. «Русскому купечеству, – заявил в 1912 году на одном из бан-

⁸ Названия самых элитарных ресторанов в Москве и С.-Петербурге.

⁹ Елпатьевский С.Я. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 33.

¹⁰ Там же.

¹¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 111.

кетов известный фабрикант Рябушинский, – пора занять место первенствующего русского сословия, пора с гордостью носить звание русского купца, не гоняясь за званием выродившегося русского дворянства»¹². Характерно, что эта фраза несет в себе вывернутое наизнанку сословное мировосприятие, так и не исчезнувшее за пять лет до краха самодержавия. Интересно также, что в том же 1912 году было произведено возведение в дворянское достоинство главного владельца известной прохоровской Трехгорной мануфактуры Николая Ивановича Прохорова со всей его семьей¹³. Очевидно, Рябушинский имел в виду именно это событие.

Дворянские латифундисты могли состоять членами правлений банков и крупных компаний, могли владеть пакетами акций, шахтами, заводами и т. п. Но они при этом в большинстве своем отнюдь не считали себя российской буржуазией. Сословное мировосприятие сохранялось и довлело над массовым сознанием.

Что касается российской буржуазии в полном смысле этого слова, то она к началу XX века менее всего походила на консолидированный класс, представляя собой скорее конгломерат различных социальных групп. Это не мешало, впрочем, достаточно быстрому формированию корпоративного сознания, основанного на общности интересов и проблем. Однако даже на переговорах с правительством заводчики и фабриканты Петербурга и Москвы довольно часто занимали различные позиции, не говоря уже о мелких провинциальных фабрикантах, живущих по законам «дикой конкуренции». Более консолидированную группу представляли горнозаводчики и горнопромышленники Юга России, имевшие огромные оборотные средства и тесные связи с царской администрацией.

К началу XX века за плечами у российской буржуазии было более трех десятков лет «освоения экономического пространства». Позади был «железнодорожный бум» 1860-х годов, спекулятивная горячка 1870-х, кризис начала 1880-х, сопровождавшийся чередой банкротств и самоубийств. Затем последовали годы депрессии и бурный промышленный рост 1890-х годов, прошедший под знаком протекционистской политики министра финансов С.Ю. Витте. За эти годы российский капитализм выработал особый тип дельца, для которого были свойственны аполитизм, стремление к получению максимальной прибыли любой ценой и при минимальных издержках, заинтересованность в государственном протекционизме и крайнее нежелание участвовать в разрешении социальных проблем. Разумеется, были и исключения. В целом же буржуазия сохраняла свой аполитизм до событий 1905 года, но и после образования легальных политических партий ее притязания на власть были ничтожны. Российская буржуазия никогда не была революционной. И даже позднее, в ситуации 1915 года, лишь незначительная часть буржуазии поддержала политические притязания Прогрессивного блока в четвертой Государственной думе.

Российская буржуазия не признавала и существования в России рабочего класса. В знаменитой записке 36 петербургских промышленников, представленной в Министерство финансов по поводу издания закона 2 июня 1903 года «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих...» указывалось, что в России рабочие, составляя менее 2 % общего населения, не объединены в «особую касту», как на Западе, а слиты с сельским и городским населением. Никакой классовой борьбы в России нет, а отдельные вспышки недовольства представляют результаты «случайных недоразумений или посторонних влияний»¹⁴.

Надо признать, что российские рабочие в своей массе в тот период действительно так же мало походили на консолидированный класс из марксистской политэкономии, как и российская буржуазия – на европейскую. В 1870-е и 1880-е годы российский «рабочий класс» попол-

¹² Балабанов М. Царская Россия XX века. М., 1927. С. 33.

¹³ Бурьинкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 109.

¹⁴ Кризис самодержавия в России. Л., 1984. С. 90.

нялся за счет нищих, разорившихся ремесленников и вчерашних крестьян. Предложение рабочих рук намного превышало спрос, чем не могли воспользоваться работодатели. Ситуацию усугубил кризис 1880–1881 годов. В Петербурге зимою 1880–1881 годов полиция была вынуждена капитулировать перед наплывом нищих, и толпы просящих подаяние заполнили центр города, куда они раньше не допускались. В Саратове нищие нанимались на винокуренные и маслобойные заводы за 4–5 рублей в месяц. К концу зимы и эти деньги перестали выплачивать, рабочие получали лишь еду, причем владельцы предприятий нередко экономили и на этом, стараясь заменить кашу картофелем. Толпы деревенских пришельцев, готовых по первому зову хозяина занять освободившееся место, не уменьшались. В Иваново-Вознесенске, где таких искателей работы называли «котами», очереди у ворот фабрик стояли круглосуточно. Реакция царской администрации была предельно простой: создается «Общество улучшения народного труда», в уставе которого говорилось о необходимости «доставить русскому простолудину возможность научиться правильной производительной работе». Эта производительная работа заключалась в клейке бумажных картузов и тканье мочальных кульков в т. н. «рабочих домах», созданных распоряжением правительственной комиссии при министерстве внутренних дел по борьбе с нищенством и бродяжничеством.

Проходили годы, а количество нищих в России не убавлялось. В 1885 году газета «Голос Москвы» сообщала: «За последние три дня полиция особенно усердно забирает по улицам Москвы нищенствующих, их за это время успели забрать около 2000 человек. Между забираемыми за нищенство – масса чернорабочих, не имеющих работы. Рабочий дом настолько за эти дни переполнен, что несколько сот задержанных за нищенство не приняты, – в нем помещено около 300 человек сверх обыкновенного количества»¹⁵.

Русская буржуазия не гнушалась широкого применения детского труда. Специальная комиссия, созданная при петербургском генерал-губернаторе в 1869 году, обследовав ряд текстильных фабрик, установила, что среди всех рабочих доля малолетних детей в возрасте от 8 до 14 лет составляла 7,5 %. Их рабочий день достигал 14 часов в сутки. По свидетельству комиссии, которая ссылалась на показания детей, в последние часы работы, к вечеру, «они бывают до того утомлены, что работают бессознательно, едва держатся на ногах и, возвращаясь домой, не в силах бывают ужинать, а спешат скорее заснуть»¹⁶. Платили же детям, как и женщинам, в среднем в два раза меньше.

В 1882 году, при министре финансов Н. Бунге, был принят закон о регламентации труда малолетних. Запрещен труд детей, не достигших 12 лет. Продолжительность рабочего дня для подростков 12–15 лет ограничивалась 8 часами в сутки, их нельзя было использовать в ночные смены. После четырех часов работы предусматривался обязательный перерыв. Для тех, кто не окончил школу, владельцы предприятий обязаны были организовать обучение. Для контроля над исполнением закона был создан институт фабричных инспекторов. В 1885 году появился закон, запрещающий привлекать на ночные работы в текстильной промышленности женщин и подростков, не достигших 17 лет. Но в вопросы оплаты труда государство не вмешивалось.

Потрясающая дешевизна рабочих рук оборачивалась значительной прибылью. В конце 1880-х годов фабрика Торнтонна получала по отчетам за год 45 % чистой прибыли, Кренгольмская мануфактура – 44 %, и т. д.

Питерский рабочий И.М. Голубев позднее вспоминал о начале 1880-х годов: «Никакого контроля над произволом предпринимателей не существовало. Все зависело от воли самого хозяина: он мог отказаться от своих условий ранее срока, во всякое время прогнать рабо-

¹⁵ Голос Москвы, 1885, № 256.

¹⁶ Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. Кн. 1. М., 1999. С. 215.

чего, ничего не уплатив ему за работу, установить любую продолжительность рабочего дня, содержать рабочих в каких угодно санитарных условиях труда»¹⁷.

В 1886 году был принят закон «О взаимных отношениях фабрикантов и рабочих», который в определенной мере ограничил произвол предпринимателей. Рабочие получили расчетные книжки, оплата труда должна была производиться не реже одного-двух раз в месяц. Однако далеко не всегда и не везде этот закон соблюдался.

На многих фабриках в провинции (да и в Москве) долго сохранялись патриархальные нравы, более отвечающие деревенской психологии. Бывший рабочий самоварной фабрики Баташова (г. Тула) А. Фролов свидетельствовал: «В те поры на маленьких фабриках не было расчетных книжек. И хозяин, и рабочие держали все на памяти или записывали на стене мелком. В субботу рабочий начинал ломать голову, кому что надо заплатить и сколько с хозяина получить. По подсчету всегда выходило, что рубля два домой попадет. А как хозяин начнет подсчитывать, еще из дома надо рубля три приносить»¹⁸.

Результатом кабальной эксплуатации было беспробудное пьянство рабочих, ненависть ко всему, что выходило за рамки их полуживотной жизни. Воспоминания А. Фролова дают весьма живописную картину рабочих нравов тех лет: «Будучи уличным мальчишкой, я каждый день летом видел, как вечером грязные, словно черти, рабочие, точно сорвавшись с цепи, выбежали из ворот фабрики и с гиком, свистом, прибаутками и руганью, сломя голову, неслись по улице. Испуганные прохожие шарахались в сторону, жались к стене или убежали в чужой двор. Всем непохожим на рабочих, и конным, и пешим, пощады не было. Рабочие высмеивали и мужчин, и женщин. Больше всего попадало малярам, плотникам, и кто шел в «гаврилке», т. е. в сорочке... Женщин руками не трогали, а, поравнявшись, быстро нагибались, точно хотели схватить за подол или, наклонив к ее лицу свою грязную морду, чмокали губами, как бы целуя»¹⁹.

По сути дела, речь идет о полуфеодальном обществе, где рабочие различных специальностей составляли как бы отдельные, изолированные друг от друга, сословия. Признаками «особости» служили одежда, стрижка, жаргон. А. Фролов признает: «Рабочие-самоварицики жили жизнью особой, не соприкасаясь ни с какими другими общественными группами. Мне такая жизнь не нравилась. Как-то инстинктивно я почувствовал, что мы, рабочие, имеем право на лучшее»²⁰.

Собственно говоря, большинство рабочих на рубеже XIX и XX веков ощущали себя именно сословием, понятие «класс» было известно только тем, кто посещал рабочие кружки самообразования или вечерние школы. Среди рабочих были еще сильны нравы и обычаи патриархальной старины, в том числе коллективные пьянки под теми или иными названиями («замочка машин», «засидки», «спрыски», у женщин-работниц – «пропой помоев»). Большой популярностью пользовались кулачные бои (т. н. «стенки»).

Н.С. Полищук приводит данные о том, что в январе 1903 года в Орехово-Зуеве в «стенке» между рабочими фабрик Саввы и Викулы Морозовых и фабрик Зиминых участвовало до 10 тысяч человек²¹. Для многих рабочих это было едва ли не единственное, помимо пьянства, развлечение.

Крайне низкая оплата труда (отсюда – плохое питание) и чрезмерная продолжительность рабочего дня калечили людей не хуже кулака. По воспоминаниям И.М. Голубева, продолжительность рабочего дня на кожевенных заводах в 1890-х годах была летом 17 часов (с

¹⁷ Голубев И.М. От стачек к восстанию. Воспоминания рабочего-большевика. М.-Л., 1931. С. 17.

¹⁸ Фролов А. Пробуждение. Воспоминания рядового рабочего. Часть 1. Харьков, 1923. С. 8.

¹⁹ Там же, с. 5.

²⁰ Фролов А. Пробуждение... С. 17–18.

²¹ Полищук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX века)// Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций (1861 – февраль 1917). СПб., 1997. С. 123.

4 часов утра до 9 часов вечера, из них 2 часа на перерыв) и зимой 15 часов (с 5 часов утра до 8 часов вечера с часовым перерывом)²². Лишь в июне 1897 года был принят закон, ограничивающий продолжительность рабочего дня для взрослых рабочих (не более 11,5 часа в сутки). Надо отметить, что молодые рабочие часто терпели издевательств со стороны мастеров и т. н. «старых рабочих». Начавший трудовую жизнь в 14 лет рабочий И.К. Михайлов впоследствии вспоминал: «Частенько вечером у завода мы, молодежь, поколачивали некоторых старых рабочих, закоренелых в издевательствах над учениками, за их старый «закал» – мордобойство. Многих выучили. Ученики начали приобретать право на уважение к себе»²³.

Подобный образ жизни не мог не вызывать протестных настроений, но до определенного момента эти настроения выливались либо в хулиганские акты, либо в стихийные забастовки с чисто экономическими требованиями. В числе важнейших требований можно указать уменьшение рабочего дня до 8–9 часов, повышение заработной платы, вежливое обращение со стороны администрации, предоставление медицинской помощи и улучшение условий труда. Содержание требований говорит о том, что рабочих более всего волновали проблемы материального благополучия и сохранения здоровья. Рабочие добивались признания своих прав на нормальную и достойную жизнь. Политическая проблематика в этот период не слишком волнует рабочую массу. В промышленных центрах квалифицированные рабочие все более и более равняются на образ жизни цензового общества. В этой среде становится весьма ощутимой тяга к знаниям, к культуре, становится общепринятым посещение вечерне-воскресных школ, библиотек, музеев, театров. Объективности ради надо заметить, что власть и отдельные представители имущих классов покровительствовали этим тенденциям. Среди городских низов становятся весьма популярными т. н. Народные дома. В частности, Народный дом императора Николая Второго в Петербурге имел театр с чрезвычайно дешевыми билетами, концертный зал, музей, бесплатную библиотеку-читальню, книжный склад, гимнастический зал, чайную-столовую. Чуть позже появился кинематограф (синема). Кроме того, при доме функционировали: обсерватория, классы хорового пения и музыки. Ежедневно давались драматические и оперные представления. За 17 лет существования, если верить данным К. Зиновьева²⁴, Народный дом императора Николая Второго посетило несколько миллионов человек. Разумеется, это были не только рабочие, но и представители других городских слоев населения, далеко не всегда малоимущих.

Не меньшую роль в деле приобщения рабочих к культуре и их образования сыграли вечерне-воскресные школы, самой известной из которых были т. н. Смоленские (Корниловские) вечерне-воскресные классы для рабочих, основанные 30 октября 1883 года и располагавшиеся за Невской заставой, на Шлиссельбургском тракте в Петербурге. С 1896 года их содержание взяло на себя Императорское техническое общество. Здесь учились рабочие Невской заставы, где располагались крупнейшие российские предприятия: Невский судостроительный завод (бывш. Семянникова), Александровский, Обуховский заводы, а также фабрики Паля, Максвелля и стеариновый завод.

Руководила классами в 1890-е годы Ольга Петровна Поморская, а в качестве преподавателей мы видим здесь весь цвет петербургской социал-демократии: Л.М. Книпович, Н.К. Крупскую, П.Ф. Куделли, В.Ф. Кожевникову, А.М. Коллонтай, Н.Л. Мещерякова, Е.Д. Стасову, А.А. Якубову и многих других. Однако в самих классах никакой прямой революционной пропаганды не велось. Один из учащихся этих классов (впоследствии рабочий-большевик) И.М. Голубев позже вспоминал, что в помещении вечерней школы нелегальная литература не при-

²² Голубев И.М. От стачек к восстанию. Воспоминания рабочего-большевика. М.-Л., 1931. С. 17.

²³ Михайлов И.К. Четверть века подпольщика // Авангард. Воспоминания и документы питерских рабочих 1890-х годов. Л., 1990. С. 191.

²⁴ См.: Зиновьев К. Россия накануне революции. London, 1983.

носились, т. к. школу оберегали от провала. Частые аресты рабочих, посещавших школу, и некоторых учителей происходили вне школы, так что предлога для ее закрытия у властей не было²⁵. Далеко не все учащиеся этой школы стали впоследствии большевиками, но интерес к т. н. «запрещенной» литературе проявляли многие. По рукам ходили брошюры «Объяснение закона о штрафах», «Что надо знать и помнить каждому рабочему», «Кто чем живет», журнал «Рабочее дело». Учителя рассказывали о революциях XVII–XIX веков в Англии, Франции и Германии, о национально-освободительной борьбе балканских народов. Как свидетельствует И.М. Голубев, «мы особенно увлекались чартистским движением английских рабочих, их мощными тред-юнионами, с увлечением читали из Лассалля (программа работников), Луи Блана, по истории 1848 года и вообще по французской революции, интересовались национальной освободительной борьбой гарибальдийцев и других угнетенных народов, и даже восстанием рабов в Древнем Риме. Все это революционизировало нас»²⁶. Впрочем, тот же Голубев признает, что многие рабочие получение знаний связывали с надеждой на изменение своего социального статуса, и нередко были случаи, когда рабочие «втягивались в гуцу обывательского благополучия, даже рождались с буржуазией, меняли профессии, делались конторщиками, учителями и т. п. и в конце концов изменяли делу революции...»²⁷. Высококвалифицированных рабочих заводчики и фабриканты довольно часто использовали на административной работе – в качестве мастеров и даже директоров на заводах.

В начале XX века Д.С. Мережковский пронизательно заметил: «У голодного пролетария и у сытого мещанина разные экономические выгоды, но метафизика и религия одинаковые – метафизика умеренного здравого смысла, религия умеренной мещанской сытости»²⁸. Понадобилось удивительное сочетание объективных и субъективных факторов – кризис традиционного общества, системный кризис самодержавия как авторитарно-патерналистской модели власти, дикий полufeодальный «русский капитализм», активная пропагандистская работа радикальной интеллигенции, – чтобы сделать идею социализма и социальной революции привлекательной для русских рабочих. Причем само понятие социализма воспринималось большинством рабочих весьма примитивно. Даже среди так называемых «сознательных» рабочих социализм воспринимался скорее как красивый символ, возвышенный идеал, практически не реализуемый в реальной жизни. «В настоящее время, – писал один из авторов в редакцию социал-демократической газеты «Искра» в июне 1901 года, – о конечных целях движения говорят неохотно, а если и говорят, то конфузаясь и краснея». В письме из Петербурга в редакцию «Искры» осенью 1902 г. сообщалось о «полном невежестве рабочих в основных вопросах социализма»²⁹. В то же время социалистическая пропаганда делала свое дело в том смысле, что в рабочей массе распространялось и крепло убеждение в несправедливости социально-экономического строя, и, прежде всего, в сомнительности праведного характера крупной частной собственности. Как пишет один из авторов сборника «Россия в начале XX века» – «если прежде хозяин фабрики пользовался непререкаемым авторитетом как человек, дающий заработок сотням и тысячам вчерашних крестьян, то с конца XIX века все чаще ему приходилось слышать выкрики из толпы рабочих: «Нас тут десять тысяч, а мы тебя одного кормим!»³⁰ Общеизвестным является тот факт, что в рабочей среде были сильны монархические настроения, использовавшиеся начальником Московского охранного отделения С.В. Зубато-

²⁵ Голубев И.М. От стачек к восстанию. Воспоминания рабочего-большевика. М.-Л., 1931. С. 39.

²⁶ Голубев И.М. От стачек к восстанию. С. 38.

²⁷ Там же, с. 58.

²⁸ Мережковский Д.С. Избранные сочинения. Т. XI. СПб.-М., 1911. С. 10.

²⁹ См.: Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций (1861 – февраль 1917). СПб., 1997. С. 62–63.

³⁰ Россия в начале XX века. М., 2002. С. 360.

вым для насаждения т. н. «полицейского социализма», а если более конкретно – для создания рабочих организаций, работающих под контролем полиции.

Если говорить о формальной стороне дела, то век «полицейского социализма» был недолог. Первая зубатовская организация появилась в мае 1901 года, а уже летом 1903 года С.В. Зубатов, после того, как его сподвижникам не удалось «оседлать» всеобщую стачку в Одессе, был смещен с поста начальника Особого отдела Департамента полиции и выслан во Владимир. Однако, если иметь в виду, что практика зубатовцев выявила широкие возможности манипулирования рабочей массой, использовавшиеся впоследствии монархическими организациями, то следует признать значительное влияние «полицейского социализма» на последующие действия правительства в т. н. «рабочем вопросе». Стоит особо отметить, что среди рабочих под самодержавием понималось не государственное устройство, а произвол полиции и бюрократической администрации. Само слово «царь» сохраняло свой сакральный характер в массовом восприятии даже после событий 9 января 1905 года.

Еще более сильны были монархические настроения среди крестьян. Крестьянство, составлявшее примерно 80 % населения, сохранило в своем абсолютном большинстве ментальность XVI–XVII веков и продолжало существовать в рамках норм традиционного общества со всей сопутствующей атрибутикой: обычным правом, верой в богоизбранность верховной власти (в лице царя), устной передачей информации и коллективного опыта, патриархальной культурой, жесткой регламентацией личной жизни со стороны семьи и общинной администрации.

Уклад жизни большой крестьянской семьи, включавшей в себя три поколения, определялся укорененными в течение веков традициями, имевшими экономическую основу. Необходимость обеспечить своим дочерям приданое (включая т. н. «наряд») заставляла «большаков» крепко держаться за старинные схемы распределения трудовых обязанностей в семье, избегая при этом, по возможности, общих разделов хозяйства. В конце XIX века занятия отхожими и местными промыслами, уход в город для работы по найму, ремесленное производство на заказ и на рынок перестают быть редкостью, но в основном практикуются в бедных нечерноземных губерниях. Серьезным препятствием на пути к экономической самостоятельности крестьян (равно как и мещан) было сохранение пережитков крепостного права, выразившееся в обязательной приписке их к данному сословному обществу. В глазах просвещенного современника это выглядело как «приписная сословная крепость»³¹. Из-за этого крестьянин не только был ограничен в выборе занятия, но даже отлучиться не мог без согласия «мира» или земского начальника с места проживания. Крестьянские и мещанские общества имели право ссылать своих сочленов в Сибирь, для крестьян сохранялись телесные наказания (до 1904 года). Абсолютное большинство крестьян оставались неграмотными. Российским крестьянам было чуждо логическое мышление, имеющее в своей основе причинно-следственную связь. Мышление русских крестьян было конкретно-действенным и в то же время образным, мифопоэтическим. Как заметил в свое время В.Г. Короленко, «мир действительных отношений был крестьянам совершенно непонятен и поэтому враждебен»³². Русский крестьянин жил в мире мифов. Главным из них был миф о «великом государе» – враге помещиков и чиновников, отце крестьянского народа. Еще один популярный миф – о сказочной стране Сибири, где нет бар и чиновников, и где царь готов раздавать землю всем желающим. Под влиянием этого мифа в 1880-х годах началось стихийное движение переселенцев в Сибирь, которое с перерывами продолжалось и в 90-е годы, и в начале XX века. И хотя Сибирь многим из крестьян

³¹ Евреинов Г.А. Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб., 1898. С. 98.

³² Короленко В.Г. Земли! Земли!//Новый мир, 1990, № 1. С. 173.

вышла боком, миф о том, что в Сибири «солдатчества не будут требовать до третьего поколения, а о податях и помину нет»³³ продолжал жить в новых поколениях крестьян.

М. Горький отмечал еще одну характерную особенность русского крестьянства – недоверие и равнодушие ко всему, что не имеет прямого отношения к его потребностям. «Беседуя с верующими крестьянами, – писал Горький, – присматриваясь к жизни различных сект, я видел прежде всего органическое, слепое недоверие к поискам мысли, к ее работе, наблюдал умонастроение, которое следует назвать скептицизмом невежества»³⁴. Особо Горький отмечал «подозрительное и недоверчивое отношение деревни к городу... как сложной организации хитрых людей, которые живут трудом и хлебом деревни, делают множество бесполезных крестьянину вещей, всячески стараются обмануть его и ловко обманывают»³⁵.

Точно таким же было отношение крестьян к власти. Власть для крестьян всегда была персонифицирована в лице станового, исправника, земского начальника. Крестьяне находились в очень жесткой зависимости от решений чиновников, и это порождало безропотное отношение к административному произволу. Обратной стороной таких отношений был бунт, часто имевший чисто эмоциональную подоплеку, нарушение каких-то одним крестьянам ведомых устоев «истины-справедливости». В подобных ситуациях часто проявлялась крайняя степень жестокости, о чем также писал М. Горький. Уже в 1921 году, анализируя причины беспримерной жестокости, проявленной русскими людьми во время гражданской войны, Горький вспоминал, что, просматривая «Отчеты Московской Судебной Палаты» за десять лет (1901–1910), он был поражен и подавлен количеством истязаний детей. «В русской жестокости, – писал Горький, – чувствуется дьявольская изощренность, в ней есть нечто тонкое, изысканное... Можно допустить, что на развитие затаенной жестокости влияло чтение житий святых великомучеников, – любимое чтение грамотеев в глухих деревнях»³⁶. Тезис весьма спорный, особенно если вспомнить, что гражданской войне предшествовала Первая мировая, а изощренную жестокость проявляли не только крестьяне. Но, тем не менее, надо признать, что сами условия жизни крестьян не могли не ожесточать их, что усугублялось сохранением средневековой ментальности и диких суеверий.

На протяжении веков общинное устройство крестьянской жизни способствовало формированию особого крестьянского мира, за границами которого крестьянин терял способность реально жить и работать, лишь приспособляясь, лишь подражая приемам взаимоотношений той социальной среды, в которой он оказывался.

Крестьянская община была хранилищем коллективного опыта и традиций, объединяя функции производственного коллектива, соседской и религиозной общности, административной единицы³⁷.

Но в конце 1870-х годов ситуация в русской деревне начинает меняться. Известный знаток крестьянского вопроса К. Головин писал в 1887 году, что Россия уже представляет собой «не сплошную однообразную общину, но целый ряд ее разновидностей, образующих постепенные переходы от мирского владения к личному»³⁸. Рушилась патриархальная большая крестьянская семья. «Переживаемое нами переходное состояние этого хозяйства, – писал Головин, – соединяет в себе невыгоды обеих форм владения, общинной и личной»³⁹. По его мнению, это являлось существенным препятствием для успехов земледелия. Являясь поборником частной земельной собственности, Головин призывал государство ускорить процесс раз-

³³ Там же. С. 172.

³⁴ Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 28.

³⁵ Там же, с. 33.

³⁶ Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 17–18.

³⁷ Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 177.

³⁸ Головин К. Сельская община в литературе и действительности. СПб., 1887. С. 256.

³⁹ Там же.

ложения общинного землепользования. Это были весьма распространенные настроения. В легализации частной земельной крестьянской собственности видели средство для разрешения социально-экономических проблем.

Еще большей проблемой для российской экономики являлось чиновничество, превратившееся к концу XIX века в самостоятельный фактор внутренней политики. Созданная реформами Петра Великого, бюрократия чрезвычайно усилилась уже в эпоху Николая Первого, испытывавшего после восстания декабристов слепое недоверие к дворянству. При Николае Первом бюрократический механизм был превращен в основу самодержавной монархии, и под конец своего царствования Николай Первый жаловался, что Россией управляет не он, «а 40 000 столоначальников». В начале царствования Александра Второго была существенно поднята планка, дающая право получать потомственное дворянство, продвигаясь по табели о рангах. Указом от 9 декабря 1856 года был установлен порядок, просуществовавший до 1917 года. Теперь потомственное дворянство давал чин полковника (капитана первого ранга) по военной службе, и чин действительного статского советника – по гражданской. Это привело к тому, что дети чиновников и офицеров, не выслуживших себе потомственного дворянства, стали пополнять ряды нового сословия – разночинцев, все более и более составляя конкуренцию дворянским отпрыскам в различных ведомствах государственной службы.

Так называемые «буржуазные» реформы 1860-х годов не привели к возникновению бессословного общества и созданию механизма общественного контроля над бюрократией. В ситуации капиталистической трансформации экономики возникли крайне благоприятные условия для расцвета коррупции и финансовых махинаций в среде чиновничества. В то время был весьма популярен анекдот об одном высокопоставленном чиновнике, который на предложение – «Ваше превосходительство, я дам вам пять тысяч, и никто об этом не узнает!» – запросто ответил: «Давайте десять и рассказывайте, кому хотите!»

Многие чиновники правительственного уровня буквально находились на содержании западноевропейских финансовых магнатов. Например, опубликованные материалы позволяют с высокой степенью достоверности говорить о закулисных связях с Ротшильдами (основавшими в 1886 году Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество) директора Горного департамента (в 1891–1896 годах) К.А. Скальковского и директора Департамента торговли и мануфактур В.И. Ковалевского⁴⁰.

Российский чиновник был поставлен в особо благоприятные условия, так как в случае жалоб со стороны частных лиц, в соответствии с «Судебными Уставами», предание его суду зависело от усмотрения его начальства, если только в действиях чиновника не было прямого нарушения законов⁴¹. Разумеется, подобное положение дел не могло не вести к системе круговой поруки. Более того, сама структура аппарата государственной власти создавала широкое поле для злоупотреблений. В Российской империи до 1906 года не было консолидированного правительства. Пост председателя Комитета министров являлся номинальным, министры подчинялись только монарху, и степень влияния того или иного министра зависела от степени его близости к престолу. Основную нагрузку в системе управления несли два министерства – министерство финансов и министерство внутренних дел. Соответственно главы этих министерств получали большие возможности административного влияния. Особо привилегированное положение занимало Министерство иностранных дел, но и оно во многом зависело от воли монарха и придворных интриг. Подобная структура неизбежно вела к формированию клановой системы власти и расстановке чиновников по критерию личной преданности тому

⁴⁰ Фурсенко А.А. Материалы о коррупции царской бюрократии (по бумагам К.А. Скальковского)// Исследования по отечественному источниковедению. М.-Л., 1964. С. 150–154.

⁴¹ Карнович Е. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. С. 116.

или иному сановнику. Высокие профессионалы и люди чести, как правило, выдавливаются из клановых систем самой средой.

Социальный состав чиновничества был весьма неоднороден. По данным Н.А. Рубакина, который ссылается на итоги переписи 1897 года, в Российской империи (за исключением Финляндии) насчитывалось 435 818 чиновников. В то же время по официальным данным на государственной службе в 1900 году состояло 159 476 человек⁴². Последняя цифра, скорее всего, отражает количество табельных чиновников и не учитывает земскую администрацию («третий элемент»), администрацию железных дорог и т. д. Петровская табель о рангах, как было сказано выше, сохраняла свое значение, превращая чиновников по выслуге в личных, а затем и в потомственных дворян. Но большая часть мелких чиновников навсегда оставалась разночинцами, не говоря уже о выходцах из мещанского сословия. Именно эти люди формировали низовые структуры административного аппарата, именно от них зависело качество выполнения принимаемых наверху решений. Эти люди несли на себе печать своей среды, а именно: низкий уровень культуры, отсутствие нравственных табу (очень часто маскировавшееся внешней религиозностью), корыстолюбие и меркантильность в личных отношениях. Чиновный мир прекрасно описан в русской литературе конца XIX – начала XX века, и это описание в комментариях не нуждается. Стоит только добавить, что чиновничество являлось носителем власти, и в условиях, когда власть одного чиновника была ограничена лишь властью вышестоящего чиновника, оно постепенно начинало играть самостоятельную роль в системе управления. Можно говорить о глубоком кризисе самодержавной монархии, утратившей контроль над своей административной системой, которая, в свою очередь, очень быстро теряла дворянский характер и наполнялась разночинцами.

Подтверждением тому являются опубликованные воспоминания крупного чиновника Министерства промышленности и транспорта Александра Васильевича Ивановского. В них он особо обращает внимание на противоречивый характер взаимоотношений правящих классов и аппарата управления царской России: «Под правящими классами я подразумеваю помещичье дворянство и с большой натяжкой буржуазию. Но как раз именно эти классы почти совершенно не были представлены на высших должностях в большинстве министерств. Высшие классы служили в некоторых известных наперечет гвардейских полках и отчасти в губернаторах, рассадником которых являлся Преображенский полк и в меньшей степени некоторые полки гвардейской кавалерии. Из министерств они служили, пожалуй, в министерстве иностранных дел и в некоторой дозе в военном и морском. Министерство путей сообщения находилось всецело в руках инженеров путей сообщения, очень замкнутой касты, пополнявшейся главным образом детьми мелкого дворянства, с небольшой прослойкой старой поземельной аристократии. Горный департамент всецело находился в руках также замкнутой касты, менее сплоченной, чем инженеры путей сообщения, и пополнявшейся главным образом из разночинцев и отчасти детей горных инженеров. В морском министерстве преобладали старые морские фамилии из мелкого дворянства. В военном министерстве господствовали офицеры Генерального штаба, также довольно замкнутая каста самого пестрого происхождения. Относительно министерства внутренних дел мой хороший приятель Витте (однофамилец, но не родственник министра), занимавший видный пост в этом министерстве, уверял меня, что у них имеется особо секретный циркуляр, которым не рекомендуется принимать на службу в центральные учреждения министерства лиц с[о] значительными личными средствами или сыновей богатых родителей, как элемент слишком самостоятельный и недостаточно покорный. В министерство народного просвещения и государственный контроль шел самый густой разночинец»⁴³.

⁴² См.: Россия в начале XX века. М., 2002. С. 292.

⁴³ Исторический архив. 2006. № 5. С. 111.

Однако сама категория «разночинцы» требует определенных пояснений. В.Р. Лейкина-Свирская еще в 1970-х годах, исследуя социальный состав русской интеллигенции, уделила много внимания месту этой социальной группы в структуре населения. Возникнув, как маргинальная группа лиц, не приписанных в силу разных причин к определенному сословию (а в эту группу входили и бродяги, и актеры, и придворные служители, и студенты, и фабричные!), впоследствии разночинцы занимают строго определенную нишу. С течением времени понятие «разночинец» постепенно наполнилось новым смыслом, обозначая людей, получивших чин или звание по праву образования. Причем формировалась эта группа в основном не за счет выходцев из податных, низших сословий, а за счет обер-офицерских детей, детей мелких чиновников, личных дворян и священнослужителей, для которых получение образования было необходимо как базис для последующей карьеры. Разночинцами пополнялось как чиновничество, так и активно формирующаяся в эти годы интеллигенция⁴⁴.

Многозначность термина «интеллигенция» вынуждает к более четким формулировкам смысла данного понятия. Русский писатель П.Д. Боборыкин, пустивший в обращение это слово, понимал под интеллигенцией «самый образованный, культурный, передовой слой общества...»⁴⁵. В такой трактовке это понятие теряет конкретность и вполне может быть использовано для характеристики интеллектуалов в любой точке мира в любую эпоху. Однако, употребляя этот термин применительно к России конца XIX века, мы подразумеваем совершенно определенные социальные слои. Речь идет, прежде всего, именно о разночинцах, той социальной группе, в жизненном укладе и менталитете которой наиболее ярко и полно проявился кризис сословного общества. Но разночинная интеллигенция не стала бы тем, чем она стала, без того громадного влияния, которое оказала на нее дворянская культура, и, в первую очередь, русская литература XIX века. Идеи нестяжательства, духовной гармонии человека и общества, антисамодержавный настрой литературы – все это подготовило почву для легкого восприятия демократических и социалистических теорий. Главной идеей, объединяющей т. н. «демократическую» интеллигенцию, стала идея Прогресса, понимаемого как процесс непрерывного развития научного знания, социальных, экономических и политических институтов. Самодержавная Россия рассматривалась при этом как вид восточной деспотии, стоящей вне магистральной линии Прогресса.

В сословном обществе интеллигенция неминуемо должна была стать над сословными перегородками, и это делало получение образования особо притягательным для нонконформистов, т. е. для тех, кто тяготился сословными перегородками и искал себе более достойного места в этом мире. Однако в условиях самодержавной России само по себе получение образования не гарантировало стабильной служебной или иной карьеры. В конце XIX века в России появляется довольно многочисленная прослойка люмпен-интеллигенции. Это были люди, получившие среднее или высшее образование, но не имевшие стабильного заработка, бытовой устроенности, четкого социального статуса. Отдельную группу составляло студенчество, наиболее остро реагирующее на все проявления административного произвола и издержки дикого русского капитализма.

Надо заметить, что и дворянская интеллигенция не осталась в стороне от процесса политической радикализации, но в этой среде данный процесс проявился в появлении на исторической сцене своеобразного дворянского либерализма, сформировавшегося преимущественно в земствах (органах местного самоуправления).

Уже на рубеже XIX и XX веков разгорелась дискуссия о том, является ли понятие «интеллигенция» классовым. Это было связано с широким распространением в то время в

⁴⁴ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 25.

⁴⁵ Соколов А.Л. Вопрос об интеллигенции в оппозиционной публицистике (1901–1904)// Общественно-политическая проблематика периодической печати России (XIX – начало XX в.) М., 1989. С.86.

России марксистских взглядов на природу социума. В контексте сохраняющейся в России сословности это свелось к выяснению вопроса: является ли интеллигенция отдельной социальной группой, а если является, то какое место она занимает по отношению к основным антагонистическим классам – буржуазии и пролетариату? Представители дворянской интеллигенции (в частности Н.А. Бердяев) отстаивали надклассовую сущность этого понятия, заявляя о том, что интеллигент – это человек с наибольшей внутренней свободой, живущий в первую очередь интересами разума, интеллектуальный и духовный голод есть его преобладающая страсть.

Демократическую интеллигенцию это определение не устраивало. Известный большевистский публицист В.В. Воровский поместил в мае 1904 года в журнале «Правда» под псевдонимом Ю. Адамович статью «Представляет ли интеллигенция общественный класс?», в которой доказывал, что интеллигенция не представляет собой общественный класс, а является группой, в которой присутствуют представители всех классов, выражающие их интересы посредством определенных идеологических постулатов⁴⁶.

По мнению другого известного публициста, А.С. Изгоева, сутью интеллигенции является ее стремление к полной свободе (понимаемой не столько в духовном, сколько в политическом смысле). Ей в этом противостоит бюрократия, которая в условиях самодержавной России превратилась в самодовлеющую силу, главная цель которой – сохранить свое привилегированное положение любой ценой. Чем более неразвиты общественные институты, тем полнее господство бюрократии. Интеллигенция самым ходом Истории обречена на противоборство с этим господством. Одной из защитных мер бюрократии Изгоев называет попытки ее интегрировать интеллигенцию, что ведет к появлению «типа, среднего между интеллигентом и бюрократом»⁴⁷.

Представляет интерес и точка зрения Иванова-Разумника, заявившего, что «интеллигенция – всегда численно небольшая группа, этически антимещанская, социально внесословная и внеклассовая...»⁴⁸. В этой формулировке присутствует намек одновременно и на элитарность, и на бунтарство. Подобная трактовка этого понятия в корне расходится с современным взглядом на интеллигенцию. Например, Рэм Белоусов относит к интеллигенции не только тех, кто был занят в сфере просвещения, здравоохранения, культуры и науки, но и служащих госаппарата, офицеров и священнослужителей. На 1913 год, по его подсчетам, это составляло около 2 миллионов человек⁴⁹. Тем самым Рэм Белоусов объединяет под термином «интеллигенция» всех более или менее образованных людей, не задумываясь ни об этических, ни о каких-либо других категориях. И это сегодня весьма распространенная точка зрения. Надо признать, что у интеллигенции как социальной группы действительно нет четких границ, и отнесение к этой группе всегда имело в своем основании субъективные характеристики. Однако если говорить об интеллигенции конца XIX века, то наиболее значимым признаком принадлежности к этой социальной группе все же будет не наличие образования, а стремление к поиску (посредством изучения философских и политэкономических доктрин) возможных путей разрешения тех проблем, которые явственно присутствовали в социальной, экономической и политической сферах российской жизни. Но само это стремление не объединяло, а скорее разъединяло, т. к. знание весьма обширно и многолико, оно может давать весьма различные ответы на одни и те же вопросы. Кто-то обращался к Спенсеру, кто-то к Марксу, кто-то – к Ницше. По выражению Андрея Белого, чья принадлежность к интеллигенции неоспо-

⁴⁶ Соколов А.Л. Вопрос об интеллигенции в оппозиционной публицистике (1901–1904 гг. // Общественно-политическая проблематика периодической печати России (XIX – начало XX в.). М., 1989. С. 86.

⁴⁷ Соколов А.Л. Вопрос об интеллигенции... С. 87–88.

⁴⁸ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Ч. 8. Девятисотые годы. Пг., 1918. С. 85.

⁴⁹ Белоусов Р. Экономическая история России: XX век. Кн. 1. На рубеже двух столетий. М., 1999. С. 345.

рима, «отцы их доказывали эволюцию по Спенсеру и конституцию по Ковалевскому»⁵⁰, а Валерий Брюсов признавался, что еще гимназистом «грыз» «Логикку» Милля и «Историю индуктивных наук» Уэвеля⁵¹. Поскольку Знание приходило с Запада, то вполне естественным был европоцентризм интеллигентского мировосприятия, так называемое «западничество». Лишь небольшая часть интеллигенции продолжала исповедовать славянофильские или почвеннические взгляды, отстаивая самобытность русской государственности и русской цивилизации в целом. При этом интеллигенция постоянно ощущала враждебность со стороны Власти. Интересна в этой связи оценка ситуации в России на рубеже веков В.И. Вернадским: «Самодержавная бюрократия не является носителем интересов русского государства; страна истощена плохим ведением дел. В обществе издавна подавляются гражданские чувства: русские граждане, взрослые мыслящие мужи, способные к государственному строительству, отбиты от русской жизни: полная интеллектуальной, оригинальной жизни русская образованная интеллигенция живет в стране в качестве иностранцев, ибо только этим путем она достигает некоторого спокойствия и получает право на существование»⁵². Нельзя не сказать и об антиинтеллектуализме большинства общества – того самого, которое Горький обобщил термином «мещанство». Выше уже было сказано о природе этого антиинтеллектуализма. Стоит только добавить, что очень часто он имел весьма агрессивный характер, и это использовалось властями в политических целях. Один из самых скандальных эпизодов – избиение мясниками Охотного ряда 2 апреля 1879 года студентов, провозжавших в ссылку своих товарищей.

Но помещиному дворянству было присуще иное видение проблемы. В качестве иллюстрации такого мировосприятия процитируем одного из идеологов консервативного дворянства Л.М. Савелова: «Благодаря антисловным наклонностям высших сфер на Руси выделился новый элемент – интеллигенция, хотя вышедшая из того же народа, но представляющая его худшую часть; оторвавшаяся от той среды, которая ее воспитала и вырастила, и не ставшая к среде, которая до сих пор стояла впереди, она начала презирать низшие слои населения, так как считала себя, благодаря полученному образованию, неизмеримо выше и ненавидела высшие слои, так как чувствовала их силу, боялась их... Вся эта масса интеллигенции, поддерживаемая правительством, которое считало сословность признаком отсталости и всеми силами проводило всюду бессословность, постепенно заполнила собой все свободные профессии: адвокаты, инженеры, врачи, учителя – все это были сплошь представители т. н. третьего элемента – элемента совершенно не государственного, не понимавшего народа и не способного к творчеству, т. к. в громадном своем большинстве было невежественно, а главное – лишено исторических заветов»⁵³. Если вынести за скобки явную пристрастность, в этой цитате можно обнаружить суть претензий высших слоев к интеллигенции – она является носителем антисловных (в понимании консервативного дворянства – антигосударственных) настроений, она не имеет исторических корней, она вообще находится вне социальной структуры в том виде, в котором эту структуру представляли себе консервативные круги. И при этом имеет наглость претендовать на власть. «Проникнув в правительство, – пишет Савелов, – интеллигенция и там продолжала свою разрушительную работу и сделала невозможную борьбу с нею»⁵⁴.

Из контекста приведенных цитат явно следует, что под интеллигенцией господин Савелов подразумевал образованных разночинцев и менее всего был готов прилагать к этой соци-

⁵⁰ Бельи А. На рубеже двух столетий. М.-Л., 1930. С. 197.

⁵¹ Там же, с. 198.

⁵² Цит. по: Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 2. СПб., 1999. С. 233.

⁵³ Савелов Л.М. Дворянское сословие в его бытовом и общественном значении: Доклад «Кружку дворян, верных присяге». Второе издание. М., 1907. С. 13.

⁵⁴ Савелов Л.М. Дворянское сословие... С. 14.

альной группе какие-либо этические категории. Либеральные настроения в обществе он выводил из деятельности именно разночинной интеллигенции.

Не стоит, однако, забывать и о том, что значительная часть поместного дворянства также давно «ушла в земский либерализм», а дворянская интеллигенция составила ядро формирующихся в это время либеральных партий, полностью поддержав конституционные требования разночинной интеллигенции. Дворянство давно уже не было единым и верным престолу, господин Савелов явно грешил против истины, обвиняя во всех грехах разночинцев, среди которых было немало верноподданных его величества.

Таким образом, мало констатировать кризис самодержавия как политической системы, можно говорить о кризисе сословного общества, наложившемся на экономический кризис 1900–1903 годов, в результате чего Россия вплотную подошла к гражданской войне. По сути дела, первая русская революция и являлась такой гражданской войной.

По определению Хабермаса, кризисы возникают тогда, когда структура общественной системы допускает меньше возможностей для решения проблем, чем это необходимо для сохранения состояния системы. В социально-политическом смысле кризисы – нарушение «системной интеграции». Именно такую ситуацию мы наблюдаем в Российской империи на рубеже XIX и XX веков. Экономическая трансформация в «капиталистическом ключе» не была подкреплена соответствующими изменениями социальной и политической систем. Более того, в Российской империи резко усилилась маргинализация общества, которая в сочетании с развитием спекулятивно-посреднических форм русского капитализма вела к пауперизации широких кругов населения, создавая ситуацию, очень похожую на ту, что была описана К. Марксом в «Капитале». Была нарушена обратная связь самодержавия с дворянством, которое резко расслаивалось как в имущественном, так и в идеологическом отношении. Русская бюрократия все менее и менее ощущала свою зависимость от самодержавия, которое мы рассматриваем как политическую систему, ориентированную на абсолютную власть монарха. (Хотя само это понятие, конечно же, гораздо более глубокое и объемное.)

Авторитарно-патерналистские политические системы могут существовать длительное время лишь в обществах традиционного типа. Для относительно безболезненного перехода от авторитарно-патерналистской системы к либеральной модели необходимо наличие элиты. Она не только разрабатывает идеологию модернизации, но и играет роль «стержня», несущего на себе всю социально-политическую конструкцию и, одновременно, берущего на себя функцию посредника в случае отсутствия или ослабления в такой системе обратных связей. В Российской империи конца XIX века мы наблюдаем процесс исчезновения элит на фоне быстрого численного роста бюрократии. И этот процесс был объективно обусловлен как нивелировкой сословного начала (что верно подметили представители консервативных кругов), так и деформациями в социальных отношениях, вызванными усиливающейся властью денег. В России исчезли условия, необходимые для воспроизводства элиты. Более того, в высших слоях общества исчезло понимание необходимости существования такой элиты. И лишь события 1905 года заставили часть дворянства во весь голос заговорить об этой проблеме.

Однако последовавшие в ходе первой русской революции попытки восстановить былой статус и былые привилегии дворянства были втиснуты в рамки крайне консервативной и абсолютно нежизненной парадигмы, исходившей из полного отрицания необходимости модернизации России. Сословность трактовалась как нечто укорененное в жизненном укладе, как элемент самобытности России. Это не только не усиливало авторитет самодержавия в общественном мнении, но прямо вело к его дискредитации. Российское поместное дворянство, настроенное в своем большинстве консервативно, теряло чувство реальности.

Чувство реальности теряло и царское окружение. А.В. Ивановский по этому поводу пишет: «Вообще царское правительство второй половины правления Николая Второго представляло странное явление, в котором интересы богатых людей защищали люди, не имею-

ице ни гроша в кармане, а сами богатые люди находились в оппозиции. Опиралось царское правительство даже не на бюрократию, а почти исключительно на полицию и, пожалуй, на гвардию, где действительно служили богатые люди. Но основной опорой все-таки была полиция. Между тем, эта полиция плохо оплачивалась и презиралась не только тем классом, но и тем правительством, единственной опорой которых она была»⁵⁵. Комментарии излишни. Но характерно, что к таким же примерно выводам приходили и беспристрастные наблюдатели из Европы. Герберт Уэллс в своей знаменитой книжке «Россия во мгле» писал: «Царизм неизбежно должен был пасть. И вместе с тем не было ничего, что могло бы его заменить. В течение долгих лет все усилия царизма были направлены к тому, чтобы разрушить самую возможность существования тех сил, которые могли бы стать на его место, и он сам держался только тем, что как бы он ни был плох – заменить его было нечем»⁵⁶.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что в России процесс разложения сословной структуры общества, в отличие от Запада, имел крайне противоречивый характер. Формирование массового общества шло в России не через буржуазную трансформацию сословных отношений, а благодаря разложению и маргинализации основных сословных групп. При этом в высших классах система ценностей феодального общества парадоксальным образом переплеталась с ценностями общества буржуазного, а в низших – патриархальный уклад постепенно распадался под влиянием товарно-денежных отношений, но сам процесс распада далеко еще не был закончен к 1917 году. В этой ситуации самодержавие утратило свое основное смысловое содержание – единого социально-государственного организма. Сохранение самодержавия перестало отвечать интересам большинства сословий и социальных групп российского общества, но само это общество было абсолютно не подготовлено ни к демократическим (в западноевропейском смысле), ни к каким-либо другим формам организации власти.

⁵⁵ Исторический архив. 2006. № 5. С. 113.

⁵⁶ Уэллс Г. Россия во мгле. С предисловием кн. Н.С. Трубецкого. София, 1921. С. 34–35.

Глава 2

Идейные и социально-психологические предпосылки возникновения большевизма

Коммунистическая идея едва ли не с античных времен имеет два прочтения, различных по существу. Первое из них трактует коммунизм как в высшей степени рациональное и жестко структурированное общество. Наиболее ярко подобное истолкование коммунизма проявилось в идеях утопического социализма XVI–XVII веков, в трудах Томмазо Кампанеллы и Томаса Мора. В «Утопии» Томаса Мора основой экономики является сельское хозяйство, должностные лица выбираются тайным голосованием, но должность верховного правителя – пожизненна. Труд для жителей «Утопии» не самоцель, а возможность обеспечить время и средства для духовной свободы и просвещения. Поэтому их жизнь строго регламентирована. Склонность к полезным наукам – знак избранности, люди с такими способностями освобождаются от физического труда... Утопический социализм этого периода был первой попыткой решить (пусть даже умозрительно) те проблемы, которые были привнесены в общественную жизнь кризисом феодальных отношений и средневекового мирозерцания, усиливающимся культом денег, постепенным превращением человека в товар. Это был протест против подчинения жизни человека утилитарным ценностям, против разрушения жесткого морального императива Средневековья. Одновременно было заявлено о несовершенстве самого человека, дерзнувшему посягнуть на прерогативы Божественной власти и нуждающегося в опеке если не Высшего разума, то его служителей. В домарксистской коммунистической идеологии очень сильны теократические мотивы. Именно этот теократический аспект утопического социализма почему-то менее всего привлекает внимание его исследователей. Данная трактовка коммунизма может быть названа аристократической, она могла родиться лишь в высших слоях общества, среди его интеллектуальной элиты.

Другое прочтение этой же идеи есть коммунизм равенства, подобное восприятие коммунизма характерно для низших маргинальных слоев общества. Один из самых ярких образчиков этого плебейского варианта коммунизма – Мюнстерская коммуна анабаптистов (1534–1535).

Марксизм синтезировал в себе обе трактовки коммунизма, дав теорию классовой борьбы и предварив появление нового общества необходимостью социализации труда. Однако в марксизме отсутствует образ будущего коммунистического общества, отсутствует и его теоретическая модель. Есть некая абсолютная идея, и это сближает марксизм с религиозными учениями. Если бы не увлечение отцов-основоположников марксизма идеями вульгарного материализма, они вполне могли бы создать новую церковь. К тому же марксизм заявил о себе в эпоху баррикадных битв 1848 года, когда вновь обрели популярность идеи революционного переустройства мира, а на политическую сцену выходят рабочие в качестве нового исторического персонажа. И вместо новой церкви в Европе появляется призрак коммунизма. В свое время С.Л. Франк справедливо заметил, что социализм XIX века возник из сочетания двух противоположных духовных тенденций: просветительства и рационализма XVIII века (социального радикализма Руссо и Мабли и материализма Гельвеция и Гольбаха), а также романтической реакции начала XIX века против идей XVIII века, что особенно заметно в учении Сен-Симона. «Революционность» социализма в его борьбе с существующим порядком заставляла требовать свободы и равноправия – но, по мнению С.Л. Франка, только для себя⁵⁷. Трактовка свободы в социалистических учениях и либерально-демократических теориях диаметрально противоположна. Либеральная демократия говорит о политической свободе и гражданском

⁵⁷ Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4. С. 232.

равноправии, что предполагает и свободу имущественного неравенства, в то время как социализм говорит о свободе социальной (подразумевающей свободу одного человека от другого человека) в рамках созданной на добровольных началах коммуны или государственно-идеологического (с опорой на психологию коллективизма) принуждения. Вне этих рамок социальная свобода (свобода от эксплуатации человека человеком, а также от господства денег и вещных отношений) просто невозможна. В XIX веке это противоречие между политической и социальной свободой было не слишком заметно. Но социалистическое общество, как общество имущественного равенства, требовало особой организации, конфигурация которой в XIX веке, даже после возникновения марксизма, еще была многим и многим не ясна.

Почему коммунистическая идея прижилась в России? К середине XIX века Россия представляла собою страну с застывшими политическими формами, более соответствующими европейскому XVII веку, и филистерским обществом с достаточно жесткой сословной структурой. Это была страна, в которой господство несвободы и отсутствие уважения к человеческой личности воспринимались как само собой разумеющиеся реалии Богом данного миропорядка.

Маркиз де Кюстин, посетивший Россию в 1839 году, очень быстро приходит к мысли, что ответной реакцией на такую жизнь может быть только бунт.

«Здесь всякий бунт кажется законным, даже бунт против разума»⁵⁸, – пишет де Кюстин в своей знаменитой книге, и фраза эта в устах ультрароялиста кажется проблеском интуитивного прозрения.

Тотальная несвобода заставляет передовых людей России обращать свои взоры к европейским формам государственности. Однако с течением времени духовная российская элита осознает, что и в Европе не все так благополучно, как кажется на первый взгляд. Господство денежного мешка так очевидно, а социальные контрасты так разительны! Умы дворянских юношей из лучших семейств обращаются к авторитетам европейской философской и политической мысли. Социализм приходит в Россию как красивый символ, как зыбкий идеал, в котором больше фантазии, чем доводов логического разума. И этот идеал пока вполне гармонирует и с правом каждого на достойную жизнь, и с демократией как формой организации власти. Элитарная дворянская культура готова признать необходимость новых форм социальности. Социализм? Пусть будет социализм!

П.Я. Чаадаеву принадлежит постулат, во многом раскрывающий восприятие социализма интеллектуальной дворянской элитой: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники»⁵⁹. Люди нуждаются в том, чтобы их жизнь стала более упорядоченной и гармоничной, идеалы общества социальной справедливости весьма привлекательны, но это – дело далекого будущего. Так социализм мог воспринимать только русский барин, читающий за чашкой кофе Гегеля и общающийся с народом через управляющего. Такой социализм не слишком далеко ушел от либерализма, являясь лишь более радикальным вариантом либеральной идеи Прогресса.

Когда в 40-е годы XIX века в русской культуре появляется разночинец и заявляет свои права на идею социализма, вряд ли кто осознал, что речь идет уже о другом. Н.А. Бердяев в своей весьма противоречивой и далеко не бесспорной книге «Истоки и смысл русского коммунизма» называет первым русским социалистом Белинского. «Белинский предшественник большевистской морали, – пишет Бердяев. – Он говорит, что люди так глупы, что их насильно нужно вести к счастью... Он склонен к диктатуре. Он верит, что настанет время, когда не будет богатых, не будет и бедных»⁶⁰. В подлиннике (письмо В.Г. Белинского к В.П. Бот-

⁵⁸ Кюстин де. Николаевская Россия. М., 1990. С. 202.

⁵⁹ Чаадаев П.Я. Собрание сочинений. Т. 1 М., 1990. С. 506.

⁶⁰ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 34.

кину) эта фраза звучит так: «Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди, и, по глаголу апостола Павла, Христос сдаст свою власть Отцу, а Отец-Разум снова воцарится, но уже в новом небе и над новой землей»⁶¹. Царство Логоса по Белинскому предопределено потребностью в рационализации общественной жизни, заложенной в самой сути Прогресса.

Белинский не считал людей глупыми, хотя иногда он очень эмоционально реагировал на человеческую глупость и долготерпение. Его взгляд на народ достоин внимания: «Народ – вечно ребенок, всегда несовершеннолетен. Бывают у него минуты великой силы и великой мудрости в действии, но это минуты увлечения, энтузиазма. Но и в эти редкие минуты он добр и жесток, великодушен и мстителен, человек и зверь»⁶².

Белинский предшественник не большевистской морали, но большевистского мироощущения. «Социальность, социальность, – или смерть! Вот девиз мой. Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи? Что мне в том, что я понимаю идею, что мне открыт мир идеи в искусстве, в религии, в истории, когда я не могу этим делиться со всеми, кто должен быть моими братьями по человечеству, моими близкими во Христе, но кто – мне чужие и враги по своему невежеству? Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч!»⁶³

Неприятие антагонистического общества есть первый шаг к принятию Революции как инструменту переделки реальности, а, следовательно, и принятию насилия. Второй шаг – признание рационального начала в Истории («Сущность истории составляет только одно разумно необходимое, которое связано с прошедшим, и в настоящем заключает свое будущее»)⁶⁴. Следовательно, по Белинскому, революция есть следствие действия рациональных сил в Истории, и потому по сути своей она не может быть иррациональной. (Здесь явное противоречие с точкой зрения Н.А. Бердяева и «веховцев».)

Мысли Белинского оказались близки А.И. Герцену, соединившему в себе барское восприятие социализма с рационализмом разночинцев. В числе основных вопросов русской революции он называет следующие: сохранить общину и освободить личность, распространить сельское самоуправление (общинное) на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли. Программа более чем противоречивая, скажем мы.

«Государство и личность, власть и свобода, коммунизм и эгоизм (в широком смысле слова) – вот Геркулесовы столбы великой борьбы, великой революционной эпохи. Европа предлагает решение ущербное и отвлеченное. Россия – другое решение, ущербное и дикое. Революция даст синтез этих решений. Социальные формулы остаются смутными, куда жизнь их не осуществит»⁶⁵.

Представляют интерес две основные идеи позднего Герцена, для которого социализм стал знаменем борьбы с помещиками Европы. Во-первых, История не имеет либретто. Смысл Истории в ней самой, и каждая новая эпоха имеет свой смысл. С телеологием Гегеля этот тезис ничего общего не имеет. Во-вторых, социализм и европейская буржуазность имеют много общего. Возможна и социалистическая буржуазность. А посему только крестьянская община, только ее пресловутый «артельный» дух спасут Россию от западной буржуазности (т. е. помещиц). Рабочие для Герцена – плоть от плоти западного мира, мира буржуазного.

⁶¹ См.: Утопический социализм: Хрестоматия. М., 1982. С. 350.

⁶² Утопический социализм: Хрестоматия. М., 1982. С. 380.

⁶³ Утопический социализм: Хрестоматия. М., 1982. С. 349.

⁶⁴ См.: Утопический социализм: Хрестоматия. М., 1982. С. 351.

⁶⁵ Там же, с. 405.

«Глухое брожение, волнуемое народы, происходит от голода. Будь пролетарий побогаче, он и не подумал бы о коммунизме. Мещане сыты, их собственность защищена, они и оставили свои попечения о свободе, о независимости; напротив, они хотят сильной власти, они улыбаются, когда им с негодованием говорят, что такой-то журнал схвачен, что того-то ведут за мнение в тюрьму»⁶⁶.

Надо отдать должное А.И. Герцену и его наблюдательности – европейская демократия действительно есть демократия сытых и для сытых. А краеугольным камнем европейской демократии является право собственности: «Собственность, и особенно поземельная, для западного человека представлялась освобождением, его самобытностью, его достоинством и величайшим гражданским значением»⁶⁷.

Но если это так, что может дать европейцам революция? Нужна ли она им? «Неужели цивилизация кнутом, освобождение гильотиной составляет вечную необходимость всякого шага вперед?»⁶⁸ – с отчаянием спрашивает себя самого Герцен. И делает вывод: «Нельзя людей освободить в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы»⁶⁹.

Герцен сделал прививку антибуржуазности русскому революционному движению, и это делает его предтечей большевизма несмотря на его неприятие марксизма и крестьянофильский демократизм. Он точен в диагнозе, но его рецепты исцеления утопичны.

Одной из ключевых фигур в развитии социальных идей в России был Н.Г. Чернышевский, которого А.И. Герцен называет «сильной личностью», указывая одновременно на то, что Чернышевский «не принадлежал исключительно ни к одной социальной доктрине, но имел глубокий социальный смысл и глубокую критику современно существующих порядков»⁷⁰. Действительно, однозначно назвать Чернышевского социалистом – погрешить против истины. Его взгляды на решение российских проблем далеки и от упрощенных нигилистических формул, и от низкопоклонствующего либерального прагматизма. Анализ этих взглядов и их влияния на Ульянова-Ленина представлен в книге Клаудио С. Ингерфлома «Несостоявшийся гражданин: русские корни ленинизма». Наряду с Чернышевским большой интерес для Ингерфлома представляет и Добролюбов, выделивший особо две основные проблемы русского общества – азиатство и самодурство. Анализ Ингерфлома настолько интересен и убедителен, что мы позволим себе обильное цитирование – в подтверждение собственных выводов.

«Кто сильнее, тот безнаказанно делает над слабейшим все, что только ему угодно, а так как у него нет человеческих понятий, то руководится он в своих действиях только прихотями...»⁷¹ Это высказывание Добролюбова Ингерфлом цитирует неоднократно, указывая на природу т. н. «азиатства». Азиатство, таким образом, есть господство грубой силы, которая, не встречая сопротивления, порождает самодурство. Но возможно ли такое сопротивление вообще, или оно изначально обречено? Возможно ли существование личности вне общества? Добролюбов признавал: «Самодурство... старается убить прежде всего... личность. Для этого самодуры сочиняют свою мораль, свою систему житейской мудрости, и по их толкованиям выходит, что чем более личность стерта, неразличима, неприметна, тем она ближе к идеалу современного человека»⁷². Россия – империя «обезличенных» подданных, считает Ингерфлом. Отсюда следует вывод: «Единообразная вертикальность всей русской

⁶⁶ Утопический социализм: Хрестоматия. М., 1982. С. 397.

⁶⁷ Там же, с. 420.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ См.: Утопический социализм: Хрестоматия. М., 1982. С. 421.

⁷⁰ Там же, с. 414.

⁷¹ См.: Ингерфлом К.С. Несостоявшийся гражданин: Русские корни ленинизма. М., 1993. С. 40.

⁷² Ингерфлом К.С. Несостоявшийся гражданин... С. 64.

жизни придавала самодержавию значение социальной системы, охватывающей все население, и в то же время создавала в этом населении менталитет, соответствующий вертикальному характеру системы»⁷³. Для обоснования этой мысли Ингерфлом делает ссылку на Чернышевского («Жалкая нация, жалкая нация! Нация рабов снизу доверху, все сплошь рабы»).

Но если в обществе существуют лишь вертикальные социальные связи, то откуда же в этом обществе возьмутся потенции для внутренней эволюции, для саморазвития этой социальной системы? Ингерфлом приходит к выводу: система антиполитична по определению, в ней просто нет места для политики, зато велик соблазн для произвола. Изменить эту систему может лишь тот, кто окажется вне системы этих вертикальных связей, т. е. отщепенец, изгой, потенциальный бунтарь. Об этом, кстати, писал и Герцен, гениально предугадывая, что будущее России принадлежит именно отщепенцам.

По мнению Ингерфлома, Чернышевский видел решение проблемы несколько в другом – в европеизации России, что составляет в его романе задачу т. н. «новых людей», должных привнести в массу населения гражданское самосознание.

Нигилизм радикалов 1860-х годов органически не мог выработать позитивную модель общества, предлагая взамен утопию «федерации самоуправляющихся коммун» или что-то подобное. Камнем преткновения являлась проблема власти. Анархические или полуанархические идеалы помогли обойти эту проблему, но не решить ее. Реализация власти в любом обществе, а тем более в России, даже при самой широкой демократии воссоздавала бы ту иерархию, которую пока еще только предстояло разрушить. Без европеизации России крушение самодержавия могло привести только к появлению новых форм деспотизма. По мнению Ингерфлома, роман Чернышевского – именно об этом. В романе «Что делать?» эта проблема решается в символическом ключе – через противопоставление «новых» и «особых» людей. По Ингерфлomu, разгадка в знаменитых словах Веры Павловны, сказанных Кирсанову: «Рахметовы – это другая порода; они сливаются с общим делом так, что оно для них необходимость, наполняющая их жизнь. А нам недоступно это! Мы не орлы, как он. Нам необходима только личная жизнь»⁷⁴. Ингерфлом делает вывод: «...личная жизнь единственно необходима новым людям, потому что они должны быть обыкновенными людьми в обществе европейского типа, где нормой является существование индивидуального пространства, способного простираться и в область социального, но не поглощенного государством»⁷⁵.

А Рахметов – это профессиональный революционер, которому предстоит разрушить до основания все здание самодержавно-сословного строя. Это – контрэлита, которую рано или поздно выпестует само самодержавие, ибо подобные люди просто не могут существовать в системе вертикальных социальных связей. Недаром Чернышевский так детально описывает генеалогию Рахметова, корни которого – замечает Ингерфлом – переплетаются с корнями самодержавного государства. («Рахметов был из фамилии, известной с XIII века, т. е. из древнейших не только у нас, но и в целой Европе. В числе татарских темников... перерезанных в Твери вместе с их войском... находился Рахмет. Маленький сын этого Рахмета от жены русской, племянницы тверского дворянского... насильно взятой Рахметом, был пощажён для матери и переименован из Латыфа в Михаила. От этого Латыфа-Михаила Рахметовича пошли Рахметовы. Они в Твери были боярами, в Москве стали только окольными, в Петербурге в прошлом веке бывали генерал-аншефами...»)⁷⁶.

Революционер-профессионал из старинного дворянского рода – здесь можно проследить аналогии и с движением декабристов, и с военными революциями начала XIX века в Южной

⁷³ Там же, с. 40.

⁷⁴ Ингерфлом К.С. Несостоявшийся гражданин: Русские корни ленинизма. М., 1993. С. 64.

⁷⁵ Там же. С. 79.

⁷⁶ Ингерфлом К.С. Несостоявшийся гражданин: Русские корни ленинизма. М., 1993. С. 79.

Европе. Дворянство Рахметова есть указание на избранность. Элите надо противопоставить контрэлиты – и Рахметов с его цельностью, самодисциплиной и самоотверженностью являет собою образчик достойного представителя этой контрэлиты. Но на что способны подобные Рахметовы? И возможна ли вообще европеизация России? Эти вопросы, скорее всего, беспокоили и самого Чернышевского. И не случайно, как считает Ингерфлом, «Чернышевский в конце книги отправляет Рахметова на Запад – Рахметов пытается познать там западную цивилизацию»⁷⁷.

В реальной жизни Рахметова не было, а был сын новоиспеченного дворянина Петр Никитич Ткачев, которого многие называют предтечей большевизма. Долгие годы в советских учебниках истории он фигурировал как глава «заговорщического» направления в народническом движении, хотя (и на это указывают многие исследователи) большинство народников своим его не считало. Весьма зыбкой основой для проведения аналогии между большевиками и П.Н. Ткачевым послужила высказанная последним еще в 1874 году мысль о том, что народ не способен в одиночку совершить социальную революцию и организовать социалистическое общество. Революция есть дело народа, но руководить им должно избранное меньшинство. Н.А. Бердяев по этому поводу заявляет: «Ткачев не хочет допустить превращения русского государства в конституционное и буржуазное. Отсутствие развитой буржуазии Ткачев считал величайшим преимуществом России, облегчающим возможность социальной революции... Ткачев, как и Ленин, был теоретиком революции. Основная идея его есть захват власти, захват власти революционным меньшинством»⁷⁸. В этом тезисе присутствует явная натяжка. Ленин (по крайней мере, до 1917 года) никогда не говорил о захвате власти революционным меньшинством, его концепция революции подразумевала социальный переворот на гребне массового недовольства существующим режимом. В отличие от ткачевской доктрины прямого революционного действия, Ленин призывал к обратному – соотносить революционное действие с конкретными объективными условиями. Ткачев является, скорее, идеологическим предтечей «леваков», нежели большевизма. Впрочем, требования, предъявляемые им к партии профессиональных революционеров, близки к ленинским: централизация, строгая дисциплина, единство взглядов и целей. Политический радикализм соединяется у Ткачева с идеализацией будущего – как и народники, он планировал превращение сельской общины в общинную коммуны, дальнейшее развитие самоуправления и, в конечном счете, отмирание государства. Надо отметить, что постулирование подобных идей предполагает изначальную идеализацию т. н. «трудового народа», чем грешили практически все революционеры XIX века вплоть до Ленина. В то же время Ткачев был ближе к социал-дарвинизму, чем народники, абсолютно не воспринимая марксизм, как вид своего рода «исторического фатализма».

⁷⁷ Там же. С. 78.

⁷⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 59.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.